



# Дело Крестьянской жены Катерины Ивановой

(История о том, как одна баба дело государево решила)

е.гликен

Екатерина Гликен

**Дело крестьянской жены  
Катерины Ивановой  
(История о том, как одна  
баба дело государево решила)**

«Автор»

2023

## **Гликен Е. К.**

Дело крестьянской жены Катерины Ивановой (История о том, как одна баба дело государево решила) / Е. К. Гликен — «Автор», 2023

Рассказ, представляемый вниманию, составлен по историческим делам, бывшим в XVIII веке, почти все данные, взятые в кавычки, являются цитатами реальных дел того времени, которые автор почерпнул из исследований и архивов (почти, но не все). К чему автор прилагает в конце произведения список литературы, которая будет и сама по себе интересна любителям информации в делах о ведьмах и колдунах. Дела Якова Ярова, Катерины и Ирины Ивановых, камергера Салтыкова, ворожбы в спальне Елизаветы Петровны, а также тексты заговоров и богоотступных писем упоминаются в исторических книгах, в том числе записках Екатерины Великой, и исследованиях современных ученых. Однако, выводы из них – абсолютный авторский произвол.

## **Екатерина Гликен**

# **Дело крестьянской жены Катерины Ивановой (История о том, как одна баба дело государево решила)**

«Прошу вас, милостивейший государь, не манкируйте просьбой покорной слуги вашей, не оставьте дело это, дело Катерины Ивановой, без вашей милости...»

Писала давняя знакомая Александра Николаевича. Он слегка поморщился, припоминая детали собственных ухаживаний.

Случай свел его погостить некоторое время назад в усадьбе Н..ких. В те поры соглядатаи Канцелярии тайных и розыскных дел разъезжали по городам и весям в поисках указанных камергером государыни Петром Салтыковым пособников в ворожбе.

Петр Васильевич, как о нем замечали, «был дурак в полном смысле слова». «У него была самая глупая физиономия», – открывалось из характеристик, данных подследственному, – «большие неподвижные глаза, вздернутый нос и всегда полуоткрытый рот; при этом он был сплетник первого сорта». Между тем Салтыков был не только камергером государыни Елисавет, но и состоял в родстве с императорской фамилией, стало быть распространять таковые о нем суждения не полагалось. Если бы не один удивительный случай, наделавший, впрочем, в то самое время много шума.

Был он уличен в одном нехорошем деле. Впрочем, нехороших дел за ним водилось немало, однако, в этот раз означенный господин, кажется, перешёл черту. Занятие, за коим застали его доверенные люди, было таково: «имея в горсти своей некий порошок, у дверей из залы в галереи, по пути следования Государыни, оный розсыпал».

Ворожбу, а это была именно она, измыслил Петр Васильевич Салтыков для привлечения милости Государыни, а значит, дьявольские козни чинил противу самой императрицы, что составляло прямую угрозу государственному строю. И как сей дерзнул такое сотворить, многим умам непостижимым казалось. Указом Ея Величества Елизаветы за содеянное и доказанное полагалась смертная казнь сожжением.

Но, как говорилось, Салтыковы приходились сродни Ея Императорскому величию, а значит, обошлись с ними довольно легко и тайно. Чего не скажешь о тех, кого он привлекал для пособничества в волшебстве. А взяты им к участию в непотребстве были многие. Слуги Салтыкова изыскивали по России верных чародеев, кои обещали сотворить два срамных дела: уморить жену и привлечь милость Государыни Елизаветы Петровны с тем, чтобы отпроситься в Москву. За второй надобностью камергер Ея Императорского не побрезговал самолично посетить дворника с Литейной улицы, сына великолукского дьячка, почитавшегося за чародея, о коем, с его собственных дворничьих слов было известно, что он своею непотребною персоной в Зимний Дворец ко многим по их просьбам хаживает. Тот дворник и дал ему порошок, с которым и уличен, по донесению управляющего именьями, был в царственных покоях Петр Васильевич, и которое волшебное средство надлежало, со слов волшебника, не позже, чем в три дня рассыпать по ходу Государыни, ежели желает ее милости. Будто бы, как только Государыня переступит через то снадобье, так сразу благоволить к камергеру начнет.

Названные за чародеев лица, помощники камергера, сысканы были по Великороссии и Малороссии и доставлены для допросов. Тот самый ворожей с Литейного так и не покинул застенков, несмотря на то, что в Зимнем Дворце, по его уверениям, принят весьма ласково бывал. Впрочем, по ходу дела выяснились и еще обстоятельства удивительнейшие, которые четко указывали на одно: при дворе даже в самую спальню Ея Величества волшебство проникло. Чего стоит одна история с мантилей, которая вдруг надобна стала Елизавете Петровне.

Оную искав, найти и доставить ей не могли. С тем же Императрица обратилась с указанием искать накидку в подушках изголовья. По той надобности любимая камерфрау Ея Величества руку под подушки и сунула, добыв, однако оттуда вовсе не мантилью, а колтун оборванных волос. Стремительно последовал приказ перетряхнуть все подушки и матрацы, в результате таких поисков обнаружена была на кровати и бумага, в которую чьей-то суеверной рукой положен был корешок, обмотанный также волосами. Общая догадка на всех заходила по дворцу: кто-то во дворце колдовал. Заподозрена была фаворитка Ея Императорского, от которой, впрочем, ожидали гораздо больших успехов и которую побаивались, зная о том, что недовольство свое она непременно выразит Императрице, а сие губительно может отразиться не только на карьере, но и на жизни придворных. Семья фаворитки по усмотрению в колдовстве была арестована. Впрочем, муж оной не стал дожидаться дыбы и застенков, а перерезал горло от уха до уха. Фаворитка призналась, что решилась на такую дерзость, чтобы удержать милость императрицы к себе, сознавшись еще и в том, что подкладывала в вино, назначенное к Елизавете Петровне, крупинки четверговой соли, всё с той же целью.

На какие дерзости только не решались ради милости Ея Императорского. Петр Васильевич, до того, как пойман был с порошком, лепил воск под нательный крест, носил под пяткой заговоренную траву. Однако, ничего не помогало.

Вспомнив об этом, Александр Николаевич усмехнулся. Личное государыни Елизаветы участие в деле Ея камергера обеспечили Александру Николаевичу высочайшее доверие и продвижение по службе. И, хотя теперь указом государя Петра III, названная общественная инсти-туция была упразднена, однако Александр Николаевич нашел себе место и в заново учрежденной Тайной Экспедиции. Дела были всё те же, хотя теперь ему доставались размахом поменьше, а опыт расследования духовных преступлений на дороге, как известно, не лежит. По всему выходило: без Александра Николаевича – никуда.

В те поры, как случилась оказия с Петром Васильевичем Салтыковым, с розыском Александру Николаевичу выпало побывать в Ярославской губернии, в крепких объятиях тамошней хозяйки, из обедневшего, но достойного рода, письмо которой вот уж сутки не давало ему покоя.

Александр Николаевич закрыл глаза. Ему живо припомнился их выезд на охоту. Она, в английской амазонке, голубой с серебром, отделанной хрустальными пуговицами, сверкающими как настоящие бриллианты, раскрасневшаяся, гнала вперед свою каурую кобылу. Он, едва поспевающий за ней, восхищенный и раззадоренный погоней...

Впрочем, все это не давало ей повода писать теперь к нему, тем более по такому ничтожному поводу.

«... я сомневаюсь, поскольку чистое мое женское чутье угадывает во всем этом деле какую-то загадку, кою сама тщуся разгадать, но всё бесполезно. Пусть, решите вы, дело пустяковое. Однако, я обещала себе разобраться в этом нехорошем деле, поклявшись перед иконами, так как, несмотря на нестарые годы свои, больна по большей части и чувствую, скоро смерть моя, а посему прошу вас не оставить меня, пролив свет вашей работы на темные стороны жизни простого народу. Да и та мелкая мелочь побуждает меня увериться, что нет в имени моем колдовства, что по весне чаю продать большую часть леса, так чтоб не прогадать в цене из-за непотребного этого дела, кою непременно по случаю ворожбы потребуют снизить, прошу вас, друг мой...»

Александр Николаевич снова недовольно поморщился. Дело было совершенно пустяковое. Крестьянское. Оно не сулило ему ничего, кроме головной боли и хлопот. Улики были налицо и вина ворожей вполне доказана, кою она собственно и признала. Уже год провела крестьянская жена Катерина в канцелярии под допросами, где давала против себя показания. Что-либо затевать новое сейчас, когда все доказательства налицо, было вовсе ни к чему.

Указами и Уложениями еще со времен Петра I, принятыми к исполнению и при Елизавете Петровне, людей казнили и за меньшее. Взять хотя бы Якова Ярова, по извету жены, сообщившей, что «в доме его найдена на подволоке (подволока – чердак под крышей) в лукошке зарыта в муке книжка заговорная, притворная к блюду, да в коробочке малой разные коренья и травы, да тетрадка гадательная, да письмо руки Ярова, да букварь, прочия письма и кость» с точками. Жена жаловалась, будто хранил ту заговорную тетрадь муж ее, Яков, для заговора на блуд и будто пробовал оное волшебство с женою своею, да только над нею никакого действия не учинилось.

Сам Яков Яров отвечал, будто откопал книги на своем дворе и оставил у себя с тем, что по оным грамоте учиться. А жена показывала, по гадательной книжке муж узнавал, ехать ли куда, начинать ли что. Бросал кость с точками и так понимал. Яков в том сознавался, но говорил, что кость кидал для себя токмо, а еретичества в том никакого не было, и творил он при этом божии молитвы. А коренья и травы держал для лечения от живота и купил их будто бы у одного бобыля. Однако под плетью Яков винился в богохульных делах, как то: отречение от бога и призывание сатаны.

Жена же еще доносила, «что муж ея, зашед на подволоку, где имелись св. образа, поставил их ликом к стене, налив воды в стакан, наложил земли на бумагу, взял воску в руки и над теми водою, землею и воском по книгам своим еретическим чинил еретичество, и молился на Запад левою рукою ниц.

Лечившиеся же у него подтвердили, что знали его токмо за лекаря. А сам он поначалу отвечал, что творил над водой молитвы Божии и делал токмо настойки травы. Однако, в розыску дополнил, что чинил еретичество.

И жена Якова досказала, что вставал и ложился, не умывшись и не крестясь. И ей запрещал. Говорил, ежели она родит, то отдаст младенца отцу его сатанаилу.

Яков наветы жены отрицал, говоря, что после еретичества был в церкви при исповеди. Но духовник его донёс, что Яров был на исповеди, но вел себя как не в уме своем, а более не приходил.

Дело Ярова лежало перед Александром Николаевичем. Он снова прочел резолюцию:

«Указанием Казанской Губернской Канцелярии Яров за злыя и богопротивныя дела его на страх другим казнён смертию – сожжён».

Не было в этом деле, вполне обычном для расследования духовных преступлений, ничего такого, на что стоило бы обратить внимания. Гадательные и заговорные книжки и тетрадки изымали по всей стране. Заговаривали всё: карты, руки, оружие, порошки, воск, кресты.

Переписанные тетрадки с заговорами находили даже у тех, кто и грамоте не разумел: велика был сила в слово.

Народ темен зело и бесправное положение его побуждало не иначе где искать помощи, как только в одном волшебстве, ибо ни лекарей ему не полагалось, ни защиты в суде, ни отеческого отношения помещиков. В таком сумраке ума и неустройстве жизни помощи ждали, как говорилось, «а хоть и от черта рогатого». В Пскове розыскивал дело Александр Николаевич об одной старушке, которая в святой церкви Божией к иконе Георгия две свечи каждой раз ставила. А при вопросах она показала: одну свечу – Георгию, вторую – змию. А на вопрос, к чему такое чинила, старушка простодушно отвечала, мол, жить ей осталось немного, а жила она долго и всех грехов отмолить и упомнить не может, стало быть, и куда попадет по смерти своей, не знает. Так, на всякий случай, чтоб подмаслить, вторую свечу змию отдавала, чтоб не шибко жег на том свете, ежели по смерти ея у него гостить приключится.

Добрая половина горе-чародеев у Александра Николаевича вызывала токмо жалость. По темноте своей большинство не разбирало, где чертов заговор, а где молитва, исключительно по неграмотности и не знанию. Лет десять назад в Синоде и Московской синодальной конторе смотрелось дело крестьянского сына Усова, кой показал, что умеет розыскивать клады

серебряной монеткой, чему научил его удмурт. Притом в тетрадке гадательной имелась запись: «Господи Иисусе Христе Сыне Божии наш, помилуй нас! Как солнце на земле светит, також де и мне, рабу, о загаданном знать было светло». Кроме того обвинения, что темен и дремуч Усов, Александр Николаевич ему и не полагал, так как Усов сейе уверял, что творил розыск спрятанного молитвою божией, а то, что молитв таких нет ни в одной божьей книге, того Усов не знал. Токмо еще в тетрадях запись была: «Лешей муж, Акалей Хахонин, Бела озера Архипий Хахонин сын, Бела ж озера с товарищи...» Он де Усов, как показано в розыске, «...к вышеупомянутым лешим носили однажды в лес от сожительства их в 15 верстах подле речку Жилкину три пирога гороховые, да сорок пять яиц красных... и те пироги и яйца положили с таким приговором:

– Вот вам, лешия мужики, гостинцы и за то де скажите нам поклажу денег.

На что невидимо те лешия к ним говорили:

Поидите де вы на Мокин бор, который имеется в Орловском тяглом стану, где во знак кол поставлен будет, в том месте сыщете деньги»...

Вот тебе и молитвы. Все у этого народа перепуталось, где бог, где черт, у всех помощи просят, хоть бы кто помог. Таких Александру Николаевичу жалко было зело, тем более что попадались оные на том, что доносили на них свои же, такие же дремучие мужики, токмо по тому доносили, что колдовство не срабатывало: невстаниха не уходила, клады не находились, блуд не чинился...

Другого рода дела поповские. Те-то ж и грамоте обучены были, и книги божественныя при них имелись, да вера в силу слова божьего полагалась, да и о суеверном знали, что то дело черное. А всё же и там находились тетради заговорные, причем самого дьявольского свойства. Пошехонский поп Макарий Иванов уличен был за производством черных заговоров. Дело дошло аж до Тайной канцелярии, которая в розыске дозналась, что поп списывал к себе заговор, будучи еще в молодом возрасте и холостым, с тем, чтобы «ему, Макару, когда кого вздумает к тому блудодеянию преклонить». Он же показывал, что творил сие, не скидывая креста и без отречения. В ходе допросных мероприятий установили, что тот Пошехонский уезд еретической заразою средь духовных лиц весьма сильно был заражен. Поп Макар списал черные заговоры у своего брата поповского сына Стахея Иванова, а Стахей показал, что взял записи у пономаря, который пономарь, в свою очередь, у другого попа Ивана Осипова. Вот таких-то, под сенью божией творящих волшебство, Александр Николаевич нисколько не жалел. Тем более, что, в сравнении с крестьянскими заговорами, поповские были желчны, черны и остры. Вот каков хранился заговор в записи к блюду у попа Макария Иванова:

«Стал не благословясь, пошел не перекрестясь, из ыбзы не двермя, из двора не воротам(и) в чистое поле, в зеленое море. К самому царю Сатане, к самой царице Садомице идут тритцать трибеса, три дьявола. И аз, раб Божий Н., отрицаюсь веры Христовы, и отца своего, и матери и прикаясь (?) вам, сатанам: аз есмь, примите меня, раба Божия Н., и я рад вам служить, и работать, и закон ваш исполнять, а вы послужите мне и поработайте, как вы служие царю своему Садоне и своей царице Сатонице, подите к рабе Божии Н. девице или Н., разжите ей, царице, и душу у в белом теле, черную печень, и горячую кровь, и семдесят три состава, и един состав, и все подколенные подхиски (?), чтоб она лежала и тосковала в денном часу, в ношном и во утренном, как бел петух по земле трепещется (?), так бы она, раба Божия Н., трепетала и тосковала по мне, рабе Божии Н., в денных часах, в ночных и во утренних, и как бел камень Алатырь лежит во окияне-море, и как она меня не завит и гласу моего не слышит, тако бы (?) лежала и тосковала...» и так далее. Наговор этот надобно было творить на пот свой, который выжимать в пиво или вино и подавать тому, кто для заговора потребен. Где уж крестьянским детям на такие выдумки решиться?

Епископ Ярославский просился у святейшего Синода перевести его в другой приход: «в церковь выходить страшно и на улицу». Вся губерния-де охвачена волшебством. Позже по его

жалобам двух дьяков и иеромонаха взяли с подобными тетрадами, чего и удивляться просьбе епископа убрать его с нечистой земли.

И вот опять Ярославская губерния. Но тут дело, в отличие от Якова Ярова, посложнее.

В деле Симбирского волшебника Ярова не было порчи.

Здесь, в деле Катерины Ивановой, две женщины показали, что она их испортила, перекинув на них двух демонов, бывших у нее в услужение. В таком деле иного и не может быть исхода, кроме как смерть. Однако Александр Николаевич снова перечитывал дело Якова Ярова, а не то, какое ему предстояло изучить, чтобы разрешить ситуацию по просьбе недавней знакомицы его.

В деле Ярова выяснилось незадолго до казни волшебника, что жена оговорила его, желая наказать, за то, что гулял к соседней женке. И как он часто туда ходил, сильно в бабе его разгорелась злость. Мечта обвинить греховодника в еретичестве на блуд, тихо горела в душе ее не один год, прежде чем громом ударила по неверному мужу.

Остыв и оказавшись одна с дитем на руках под началом большухи, изнывая от тягот приема мужниной семьи, захотела баба всё возвернуть как было, с чем повторно обратилась в канцелярию. После обращения ее и розыскных на том основании действий канцелярия дала положительный ответ на новое производство и возможное помилование, Синод рекомендовал, будучи уверен, что Яров не был богоотступником, если тот истинно покается – отпустить. Однако розыск и письмо по его результатам на место последнего содержания «чародея» пришли через четыре года. На что провинция рапортовала, Яров-де два года назад как сожжён, опоздало письмецо ваше и расследование, некого освободить. Вот эта малость сейчас занимала Александра Николаевича.

Видалась Александру Николаевичу для него самого в этом деле некоторая счастливая случайность, которая может помочь ему в продвижении по службе. Взошедшая на престол Екатерина не жаловала тех, кто повинен в несчастьях семьи её любовника Сергея Салтыкова. А скромный соглядатай, каковым на тот момент являлся Александр Николаевич, довольно явно фигурировал среди сыскных, чьими стараниями незадачливый волшебник был сослан в дальний Соловецкий монастырь. Необходимо было маленькое, но весьма игривое дельце, которое послужит в деле возвращения Петра Салтыкова из ссылки. Хоть и не слишком был Александр Николаевич доволен обращением к нему из Ярославской губернии, однако, чаял себе в этом деле положительный исход. Видалась возможность найти оговор, по типу дела Ярова, взамен обвинению в чародейском богоотступничестве, через кой оговор увидят при дворе лазейку весьма немалую для разрешения духовных дел многих, каковые для государства полезны будут. Простым языком говоря, подобное покажет, как, не возбуждив подозрений, вернуть можно Петра Васильевича Салтыкова.

Читая скудные строки допроса Ярова, Александр Николаевич пытался выискать намеки и недосказанности, кои могли навести розыск на мысль о том, что человека оболгали. В деле Ярова не было ничего из того, что хотелось бы положить поводом к измышлению о клевете.

Все показания добыты были под плетями. А как иначе? Кто без плетей в злодеяниях сознается? Да и плетей-то мало, дыба по все дни злоумышленников ждёт. Но показания с пыток правдивы и верить им можно, потому как не просто задача Тайной Экспедиции получить то, что желаемым видится, но для того пытка ежечасно совершается над всеми, чтобы точно то, что именно было, а не представляется, узнать. К пытке обращались в застенке не единожды, а обычаем по три раза. Может, каковые и через месяц. С первого раза показания записывали, а если во вторую пытку виновный показывать про себя иное начинал, то ему вменяли еще три пытки новые, пока не утвердится в рассказе содеянном и не повторит то же, почти слово в слово. И так до тех пор, пока трижды одинаково во всем не сознается. А потому и верить можно, что точно, не солгав, не присочинив чего, объявил. Возьмётся выдумки чинить волшебник, так под плетями на дыбе при боли такой умом отвлечен будет, и солгать повторно не

сможет. Однако, по пытливому своему уму и большому опыту, понимал Александр Николаевич, что одних показаний из застенков мало к делу, надобное еще и еще. Но протокол дознания менять не полагалось, для его исправления нужен был случай. И этим случаем могло стать дело Петра Васильевича Салтыкова, но чтоб до него добраться, нужно было хорошенько свое решение обложить и проверить.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.